

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Доброе старое время

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк
Доброе старое время
Серия «Уральские рассказы»

*<http://www.litres.ru>
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=327112*

Аннотация

В основу повести «Доброе старое время» лег очерк Мамина-Сибиряка «Город Екатеринбург», в котором автор рассказал историю возникновения екатеринбургского театра.

Содержание

I	4
II	14
III	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк Доброе старое время

I

– Господи, как дороги дрова, Антонида Васильевна!

– А квартиры, Яков Иваныч?

– И квартиры тоже... Всё новые дома строят, всё строят, а квартиры и не думают дешеветь. Я за свою конурку пять рублей плачу, Антонида Васильевна... Впрочем, нужно будет переменить квартиру.

– Я три рубля плачу вот за эту мерзость, Яков Иваныч. И квартиры дороги, и дрова дороги, и люди нынешние – дрянь.

– Совершенно верно-с: дрянные люди. Даже и не люди, а так что-то такое: взять в руки нечего. Даже молодежь – н та ничего не стоит. А в наше-то время, Антонида Васильевна... Господи, точно все это во сне видишь... Закроешь глаза и видишь...

– В живых-то только мы с вами остались.

– Да... Сколько лет будет, как умер Крапивин?

– Ах, давно... двадцать лет.

– Неужели? А точно вот вчера все было... И генерал умер,

и Додонов... все умерли.

После этих грустных воспоминаний наступила длинная пауза. Яков Иванович долго жевал своим беззубым ртом, перебирал в руках платок, шурился и тяжело вздыхал. Все это было прелюдией к одному и тому же разговору, который всегда бесил Антонида Васильевну. О, она отлично знала, что старик пройдет своею расслабленною походкой по комнате, поправит старомодный воротник сюртука и проговорит:

– А ведь я говорил вам тогда, Антониды Васильевна... Ах, напрасно вы меня не послушались!..

Антонида Васильевна вскакивала с места, выпрямлялась и, приняв гордую позу, отвечала одно и то же:

– Яков Иваныч, вы никогда меня не понимали!

– Сорок лет я вам повторяю одно и то же... Ах, напрасно, Антониды Васильевна! Помилуйте, я тогда прямо сказал вам: покаетесь, Антониды Васильевна, да будет поздно. Да...

– И не покаюсь!

– А вот покаетесь.

– А нет!

Глядя на старика, Антониды Васильевна часто думала: «Совсем из ума выжил человек... и куда что девалось, подумашь!..» Яков Иванович думал то же, глядя на Антонида Васильевну, и грустно качал головой. Неужели это она, та Антониды Васильевна, за которой ухаживал сам хромой генерал?... Сгорбилась, обрюзгла, состарилась, глаза слезят-

ся, лицо в морщинах, волосы седые*— даже тени не осталось от прежней красавицы. Все тлен и суета, а женщины всегда останутся легкомысленными созданиями и будут всегда жить сегодняшним днем. Яков Иванович с сожалением оглядывал пустую комнату своей приятельницы, просиженный диван, единственный комод, заключавший в своих недрах все движимое Антонида Васильевны, и еще раз качал головой.

— Не хотите ли кофе, Яков Иванович?

— Отчего же... Я, знаете, когда шел сюда, то думал: а хорошо бы напиться кофе. Кровь согревается.

Пока Антонида Васильевна возилась около самовара и согревала дрянной жестяной кофейник, Яков Иванович ходил своими старческими шажками и что-нибудь рассказывал.

— Вчера я был на рынке, Антонида Васильевна... Капуста была такая дешевая. Я всегда у одной прасолки покупаю... Обманывает она меня, но я уж привык к ней. Хорошо-с... Стою я с мешком около лавки, а на меня лошадь... ей-богу, чуть не смяли. Сидит купчиха и говорит: «Я два воза капусты купила да воз огурцов». Ведь это очень выгодно, Антонида Васильевна, то есть выгодно все оптом покупать. Конечно; у кого есть деньги, так тем выгодно... Вот говядина тоже, сахар, кофе... Я всегда завидую богатым: всё дешево покупают, потому что вовремя. Привезли капусту — давай капусту, закололи теленка — давай теленка... хе-хе!... Я прежде тоже хозяйственно жил и всегда делал запасы... Своя коров-

ка была, лошадка... Вы мне не крепко наливайте: доктор не велит пить крепкий кофе.

– Знаю, знаю... Вот вам сливки, Яков Иванович.

– Благодарю... Так я и говорю, Антонида Васильевна: хорошо богатым людям на свете жить. Комнаты большие, светлые, теплые, запасов всяких много, да еще деньги в банке лежат. Понадобилось— и взял из банка...

– Да, отлично.

Старики часто ссорились, особенно в ненастную погоду, но один без другого сильно скучали. Однажды у Якова Ивановича заболели ноги, и он целую неделю не показывался. Антонида Васильевна даже всплакнула про себя и послала знакомую кухарку узнать о здоровье. Сама она не решалась навестить своего старого друга: как она придет на квартиру к холостому человеку? Впрочем, старики хворали редко, хотя Якову Ивановичу стукнуло уже восемьдесят лет, а Антониде Васильевне было под семьдесят. Как особа с тактом, старушка не показывала вида, что рада каждому визиту своего старого друга и что без него страшно скучает. Мужчины неблагодарны, и тот же Яков Иванович мог подумать про нее бог знает что, как все мужчины. Им только позволять... Отношения Якова Ивановича действительно носили корыстный характер: отчего не напиться кофе фирмы «Чужой и К°», а потом все-таки моцион – полезная вещь, и наконец, керосин напрасно горит, когда сидишь один дома. Угощать Антониду Васильевну любила, как все женщины, – у ней это было

в натуре – отдавать последнее. Вот это-то и довело ее до каморки, когда другие женщины, которые не стоят ее пальца, разъезжают на рысаках и покупают капусту возами.

А какие бывают скверные дни осенью, когда дождь зарядит с утра! На улицах грязь, окна в комнатах отпотеют, из всякой щели ползет предательская сырость, и богатые кажутся еще богаче, а бедность еще беднее. Яков Иванович кашлял, охал и все-таки полз к Антониде Васильевне, чтобы хоть поскучать вместе. Именно стоял такой ненастный день, когда старик явился напиться кофе к Антониде Васильевне. Он в темной передней бережно снял калоши осторожно поставил в уголок свой зонт, снял отяжелевшую от дождя шинель с крагеном¹ и проговорил в дверях:

– Можно войти, Антонида Васильевна?

Яков Иванович был самый вежливый и деликатный человек, и Антонида Васильевна именно за это его и любила больше всего: увы, таких вежливых людей больше нет!.. Нынешние люди не понимают такой простой истины, что вежливость; – это целый капитал и что благодаря именно ей в свое время Яков Иванович всегда Пользовался неизменным успехом у женщин. О, любовь ему ровно ничего не стоила, и ему многое прощалось именно за умение держать себя! Яков Иванович вовремя умел быть и смелым и скромным и всегда молчал: ни одной тайны не было им выдано. Вот секрет дожить до восьмидесяти лет, еще в силах, а дальше уже «труд и

¹ Краген – большой меховой воротник, который можно накинуть на голову.

болезнь»... Женщины любили Якова Ивановича и в критических случаях советовались с ним, как было и с Антониной Васильевной. Конечно, они делали по-своему, а Яков Иванович молчал, будто ничего не знает.

– Пожалуйте, Яков Иванович...

Заняв свое обычное место на диване, Яков Иванович с присущей старым людям проницательностью сразу заметил, что Антонина Васильевна была сегодня не в своей тарелке. Может быть, получила неприятное письмо? Нет, нисем она «уже давно ни от кого не получала. Время писем миновало для нее... Что бы такое могло быть?

– Холодно, Антонина Васильевна.

– Очень холодно, Яков Иванович.

В своем темном люстриновом платье Антонина Васильевна походила бы на монашку, если бы лицо ее не было покрыто темными пятнами от дрянных старинных белил. У монахинь лицо бывает такое белое и кожа – точно корка провиры. Дома воротничков и рукавчиков она не носила, а когда приходил Яков Иванович, накидывала на ялечи старенькую козловую шаль. Теперь Антонина Васильевна куталась в свою «тряпочку», как она называла шаль, сильнее обыкновенного и старалась не смотреть на гостя. Перебрав все темы, Яков Иванович вопросительно поглядел на дверь, откуда должен был появиться кипевший самовар. Он не понимал, зачем хозяйка так медлит, а сегодня ему особенно хотелось выпить кофе, – мерзавец погода.

Вы здоровы ли, Антоннда Васильевна? – спросил он наконец, аккуратно понюхав табак.

Антонида Васильевна что-то перебирала на своем комод-е и удивленно оглянулась, а потом быстро вынула из кармана платок и закрыла им лицо. Послышались сдержанные всхлипывания. Как все мужчины, Яков Иванович не выносил женских слез и рассердился. Помилуйте, так могут капризничать одни девчонки... О, он хорошо знает цену этим женским слезам и никогда им не верил. В нем проснулась старческая жестокость. Но Яков Иванович всегда был вежливый дамский кавалер, поэтому, дав время пройти пароксизму, спросил по возможности ласково:

– Что с вами, Антонида Васильевна?.. Не могу ли я чем-нибудь быть полезным?

– У меня... у меня нет больше кофе!..

Яков Иванович был огорчен, но все-таки плакать не следовало. В жизни ему приходилось много видеть женских слез, и поэтому он пустил в оборот тот бессмысленный набор фраз, какими утешают плачущих женщин. Женщины любят, чтобы их так заговаривали, а смысл – это другое дело. Но и это верное средство не помогало; Антонида Васильевна продолжала плакать... Да и слезы были нехорошие, – те тихие слезы, которым, как осеннему мелкому дождю, конца нет. Старый эгоист только теперь пожалел свою приятельницу» тем более что это искреннее горе касалось и его.

– Что же, Антонида Васильевна, убиваться? – бормотал

он. – Если, нет кофе, то можно и чаю напитокся. Отлично согревает... -

– И чаю нет... я... я не ела уже два дня... ничего нет.

У Якова Ивановича вырвался неопределенный звук: «Это уж слишком – и скверная погода и эти слезы». Он даже посмотрел на дверь, чтобы половчее улизнуть, – последнее много раз выручало его из критических обстоятельств. Но Антонида Васильевна повернулась уже к нему и, не вытирая катившихся по ее лицу мелких старческих слез, порывисто заговорила:

– Все это пустяки...

– Как пустяки?

– Что я нищая – это пустяки... Сама виновата. Но меня убивает одно: сегодня двадцать первое сентября...

– Ах, да... Ведь Павел Ефимыч был бы сегодня именинник. Да, да... Скажите, а я-то и забыл. Давно ли это было, подумаешь... Пир горой шел у Павла Ефимыча... шампанское...

– И это пустяки, – прервала его Антонида Васильевна, комкая платок в дрожавших руках. Сегодня я убедилась наконец, что тогда я действительно была глупа, а вы – правы... Да, вы были правы, Яков Иваныч, хотя прошлого и не вернешь.

– Ах, Антонида Васильевна, Антонида Васильевна... ведь я же говорил вам тогда?... Если бы вы меня послушались...

– Я была молода... глупа... Кто бы мог подумать, что я

проживу так бессовестно долго? Ведь я давно пережила себя...

– Да, да, состарились мы с вами, Антонида Васильевна...

– У меня теперь все бы было: и свой дом, и лошади, и прислуга... Сорок лет я думала, что поступила, как следует порядочной женщине, но вот сами видите, что из этого вышло... Нет больше кофе, Яков Иваныч!..

Это признание, вырванное отчаянием, обрадовало Якова Ивановича. О, он был прав, а женщины упрямы, как кошки... Если бы можно было вернуться назад каким-нибудь чудом и поднять из земли прошлое? В старике с страшною силой проснулась бессильная жадность, и его маленькие глазки засверкали.

Знаете, что я вам скажу? – заговорил он, взволнованный желанием сказать Антониде Васильевне что-нибудь неприятное и хоть этим выместить на ней собственную правоту. – Нынче так не сделают, да! Нынешние примадонны умнее и этих сентиментальностей не признают... Стоило тогда ломаться!

– Нынешние примадонны?

Антонида Васильевна покраснела остатком своей старческой крови и молча указала Якову Ивановичу на дверь.

– Уйду, сам уйду-с... – бормотал он, спохватившись, что пересолил. – И дернуло же за язык с нынешними примадоннами... А все-таки я прав.

– Да, вы правы, но уходите... все правы... я оскорблена

именно этим.

Очутившись на улице, Яков Иванович долго стоял на тротуаре и никак не мог понять, как это все вдруг вышло: сидел на диване и вдруг – вон... что же это такое?.. Он йернулся, постучал в дверь, но ответа Не последовало.

II

Ровно сорок лет тому назад, в такой же ненастный осенний день Антонида Васильевна сидела в своей комнате перед зеркалом и старательно закручивала прядь своих белокурых волос в папильотки. В этот момент в комнату вбежали две девушки и в один голос закричали:

– Смотрите, смотрите: медведи!

– Смотрите: собаки!

Театральная квартира была как раз напротив театра, и по чистенькой городской улице медленно двигалась целая вереница телег. В каждой телеге сидело по четыре собаки и при них «человек». Собаки, истомленные длинным путешествием и промокшие под дождем, равнодушно смотрели по сторонам. Сопровождавшая их прислуга была одета в однообразный охотничий костюм: короткие серые куртки с серебряными пуговицами, широкие синие шаровары, барашковые высокие шапки с красными свешивавшимися на один бок курпями² и красные широкие кушаки. У борзятников, выжлятников³ и доезжачих были свои собственные серебряные значки, прицепленные к левому плечу, и у каждого за поясом по кинжалу. Это была настоящая псовая охота, обстав-

² Курпей – здесь – кисть на шапке.

³ Выжлятник – охотник, наблюдающий за гончими (от выжлец – кобель гончей породы).

ленная со всею роскошью. Когда первый обоз, состоявший из двадцати пяти телег, миновал; за ним показались громадные дроги, на каких возят тяжести. На дрогах были поставлены большие клетки из полосового железа, и в каждой клетке сидело по живому медведю. Всех дрог было пять, по числу медведей, и в Каждые было заложено по три тройки. Понятно, что такая необыкновенная процессия взбудоражила город, и по улице За поездом бежала Целая толпа.

– Да это зверинец!.. – говорил кто-то из девушек в театральной квартире.

– Нет, барская охота, как (у нас в Расее... – заметила крепостная няня Улитушка, состоявшая бессменно при театральных барышнях.

– А медведи зачем, няня?

– Псов натравливать, чтобы злее были... У настоящих господ всегда так делают.

Естественным являлся вопрос, чья же это охота, но именно на него никто не мог ответить. В Западной Сибири крупных помещиков не было, а золотопромышленники-раскольники не имели и понятия о настоящих барских потехах.

– Нужно узнать, няня, – решила Антонида Васильевна, занятая небывалым зрелищем. – Сходи к Павлу Ефимычу и спроси...

– Так и пошла: нашли девочку! – ворчала старуха,

– Няня, да ведь всего два шага?..

– У, баловницы!.. Да и Павла Ефимыча дома нет.

– Все равно, от камердинера узнаешь...

Старушка всегда ворчала, но баловницы умели заставить ее сделать по-своему, как было и теперь! «Ну, ин, схожу... не отвяжешься от вас».

– Бедные медведи, как им тяжело сидеть в этих клетках! – жалел кто-то из девушек, провожая глазами дроги. – . Разбило их дорогой. Вон, посмотрите, один лижет железную полосу... Бедняжка, он пить хочет.

Один из медведей стоял на задних лапах, ухватившись передними лапами за переплет решетки, и смешно поводил мордой. Он чутко нюхал городской воздух и глухо кряхтел. Лошади фыркали и косились. Какие-то бойкие городские мальчишки подбегали к самым дрогам и ухали на любопытных зверей...

– Вот я вас!.. – кричал главный доезжачий,⁴ замахиваясь на ребят толстым арапником.

Антонида Васильевна задумчиво проводила глазами весь обоз, и ей вдруг сделалось грустно. Неужели этих медведей будут травить громадными меделянскими собаками? Ух, страшно!.. Бедные, как им тяжело сидеть в своих клетках. Что-то такое тяжелое и горькое заныло в груди девушки: ведь и она тоже сидит в своей клетке.

– Няня, няня, ну что? – кричали девушки, веселою гурьбой обступая возвратившуюся Улитушку. – Чья это охота?

⁴ Доезжачий – старший псарь, занимающийся обучением борзых собак и распоряжающийся ими на охоте.

– Ох, отстаньте... – отмахивалась старушка. – Чего пристали-то, как осенние мухи? Вот и не скажу... Павел Ефимыч на репетицию велел идти. Вот вам и охота...

– Нянюшка, миленькая...

– Барская охота, известно... Заводчик тут есть, Додонов по фамилии, – ну, так его и охота.

Театральная квартира помещалась в двухэтажном деревянном доме с мезонином. В нижнем этаже жили актеры, а в верхнем – актрисы. Сам антрепренер Крапивин помещался в мезонине, наверху. Эта труппа в Загорье являлась первой и пока еще только готовилась к спектаклям. Театр тоже был недавно построен, и в нем еще пахло известкой, глиной и свежим деревом. На репетицию ходить не составляло особого труда: перешел улицу и – в театре. Актеры уходили раньше, а за ними уже являлись актрисы, под надзором Улитушки.

Когда все собрались в театре, там только и разговору было о проехавшей мимо охоте и о не известном никому Додонове. Предположениям, догадкам и шуткам не было конца.

Он и оркестр свой везет, – рассказывал капельмейстер Яков Иванович, толкавшийся на репетициях около женских уборных. – Да-с, двадцать пять человек музыкантов... Большой любитель музыки. В Краснослободском заводе у него и театр построен.

– Кто же будет играть в театре?

– А уж этого я не знаю... Спросите у Павла Ефимыча.

Комик Гаврюша(он же и декоратор) заметил, что, вероятно, у Додонова медведи будут давать представления. Всезнающий Яков Иванович сообщил, между прочим, что Додонов живет в Петербурге, где у него настоящий дворец и царская охота. Теперь он вздумал приехать на Урал, чтобы осмотреть свои заводы. Мужчины шептались и хихикали между собой, передавая подробности, как сегодня через город в закрытых повозках провезли в Краснослободский завод целый гарем, – Додонов был холостяк и любил женщин. Яков Иванович весело подмигивал и щелкал языком, как скворец.

– Хороший человек этот Додонов и умеет пожить... А что касается представлений на его театре, то я полагаю так, что ему без нас не обойтись. Вот Антониде Васильевне прекрасный случай показать свои таланты... При ее красоте и талантах все возможно-с....

На репетициях царил строгий порядок, и Крапивин не терпел закулисных сближений и вольностей. За каждый недосмотр головой отвечала Улитушка, на попечении которой находилось целых пять актрис. Теперь ей стоило большого труда удержать свою команду в уборных, да и актеры точно сбесились: так и лезут. Особенно надоедал Яков Иванович.

– Ты-то с какой радости приклеился здесь, шубный клей? – ругалась с ним Улитушка, загораживая спиной дверь в уборную Антониды Васильевны. – Твое дело на скрипке

скрыпеть. Ужо вот придет Павел Ефимыч... Способа с вами никакого нет, с озорниками!.

Появление на сцене антрепренера водворило приличный порядок, и Улитушка вздохнула свободно. Крапивин шутить не любил и держал свою труппу в ежовых рукавицах. Сегодня он заметно был не в духе и едва кивнул головой на низкие поклоны актеров. Подвернувшийся под руку Гаврюша получил нагоняй за недоконченную еще декорацию.

– Павел Ефимыч, помилуйте, да когда же... – оправдывался комик, разводя руками. – И роль учи и декорации расписывай.

– Ты у меня рассуждать? – закричал Крапивин и, погрозив пальцем, прибавил: – Кто будет со мной балясы точить, сейчас на гауптвахту посажу... Черкну записочку генералу – и готов раб божий.

Ввиду такой угрозы Улитушка, конечно, и не подумала жаловаться, хотя Яков Иванович и показывал ей язык, спрятавшись за декорацию.

– Можно войти, Антонида Васильевна? – спросил Крапивин в дверях уборной: отдельная уборная была только у Антонида Васильевны, как у примадонны и главной надежды всей труппы.

– Можно.

Быстро оглянув девушку, Крапивин присел к столу с зеркалом и широко вздохнул. Ему на вид было под сорок, но для своих лет Крапивин сохранился очень хорошо. Широкий в

кости, плотный и сухощавый, он еще был хоть куда. Умное лицо с большими темными глазами нравилось женщинам, и только на лбу собирались преждевременные морщины. Дома и в театре ходил он в короткой бархатной куртке, всегда застегнутой наглухо.

– Вы свой номер приготовили? – небрежно спросил он, ероша русые кудри и думая о чем-то другом.

– Да... Я отлично выучила.

Девушка всегда немного конфузилась в присутствии Крапивина, который говорил ей «вы» и резко выделял ее из остального женского персонала. Держал он себя с ней слишком вежливо для антрепренера.

– Я на вас надеюсь... – коротко ответил Крапивин и прибавил – Сегодня на репетицию будет сам генерал.

– Как же я в папильотках буду петь?

– Ничего... Старик добрый. Он расспрашивал меня, и я вперед похвастался вашим пением.

Этот мимоходом брошенный комплимент заставил Антониду Васильевну покраснеть, и она почувствовала, как в груди у нее сердце забило тревогу.

– Главное – костюм... – продолжал Крапивин, отбивая по столу красивым длинным пальцем дробь. – Впрочем, я сам посмотрю, когда все будет готово. Кстати, генерал мне говорил... Вы, вероятно, видели сегодня этот дурацкий поезд с собаками?

– Да... и медведи...

– И медведи... Так генерал предупредил меня, что этот Додонов – большой меломан и, вероятно, сделает труппе предложение отправиться к нему на завод... Все будет зависеть от генерала, и я, право, не знаю, как отказаться от подобной чести.

– Зачем же отказываться?

Лицо у Крапивина вдруг нахмурилось, и он быстро вскинул глазами на смутившуюся от этого быстрого взгляда девушку. Он даже раскрыл рот, чтобы что-то высказать, но удержался и только торопливо потряхнул своими кудрями.

Там увидим, – бормотал он, уже ласково глядя на Антониду Васильевну.

Когда Крапивин вышел из уборной, Антониды Васильевны опустилась на стул в сладкой истоме. Она теперь поняла все: Крапивин ее любит больше, чем антрепренер. У ней кружилась голова от незнакомого ей чувства охватившей радости. Как ей дороги показались теперь эти голые стены, колченогая мебель и вообще вся убогая обстановка уборной, – вот здесь сейчас тихо и радостно зародилось ее первое девичье счастье, и молодое сердце ударило в – такт с другим сердцем. Девушка поняла и смутную тревогу Крапивина, который вперед ревновал ее к Додонову. Она посмотрела на себя в зеркало, выпрямилась и гордо улыбнулась.

– Генерал приехал, – шептала Улитушка, Врываясь в уборную. – Приехал и сел в передний ряд. А плут Яшка так под самым носом у него и лебезит...

В дверь постучал Гаврюша, — он исправлял и режиссерские обязанности. Нужно было выходить. Антонида Васильевна на скорую руку повязала голову тюрбаном, перекрестилась и уверенно вышла из уборной. Этот тюрбан очень шел к ней и сразу понравился генералу, который назвал ее турком. Она исполнила свой номер отлично, молодой голос легко и свободно разливался в пустой зале.

— Одобряю! — громко повторял генерал и даже в такт стучал костылем.

Это был настоящий николаевский генерал, высокий, плотный, стриженный под гребенку и туго затянутый в военный мундир с узкими рукавами, раструбом закрывавшими верхнюю часть кисти руки. Седые бакенбарды от самого уха шли полукругом к щетинистым усам. Широкое красное лицо с большим носом глядело грозно. Одна генеральская нога была контужена еще под Браиловым в турецкую кампанию 1827 года, и старик ходил с коротким костылем, который служил в то же время и орудием домашних мер исправления. Вытянувшийся в струнку молоденький адъютант везде сопровождал генерала, как тень, и ловил каждый его жест.

— Ваше высокопревосходительство, как вы находите? — почтительно спрашивал Крапивин, заходя к генералу сбоку.

— Одобряю... А впрочем, братец, сюртук нужно надевать.» да, сюртук.

— Слушаю-с... Рады стараться, ваше высокопревосходительство.

– Ты должен другим служить примером... Я не люблю беспорядков. Даже турки – и те свой порядок знают...

Довольный своим каламбуром, старик отправился за кулисы и ласково потрепал Антониду Васильевну по заалевшейся пеке.

– Ну, турок, старайся... Мы будем смотреть и молодеть... А я здесь живу, как отец в большой семье... Так Гоголенко?

– Точно так-с, ваше высокопревосходительство – звонко отвечал адъютант, делая под козырек.

Будьте и для нас родным отцом, ваше высокопревосходительство, – говорил Крапивин, беря Антониду Васильевну крепко за руку.

Генерал отступил на несколько шагов, смерил глазами стоявшую перед ним парочку и, весело улыбнувшись, ответил:

– Нет, не родным, а посаженным отцом согласен быть, хе, хе, хе!..

Антонида Васильевна вырвала свою руку и, зардевшись, скрылась в уборной. Это еще больше рассмешило генерала, и он, возвращаясь из-за кулис, несколько раз повторил:

– Турки всегда бегают от русских... Так, Гоголенко?

– Точно так-с, ваше высокопревосходительство.

– Всегда бегают, пока их не возьмут в плен...

III

Появление первого театра в Загорье всецело обязано было генералу. Старик захотел, чтобы театр был, и театр явился, как по щучьему веленью. Генерал был всемогущ и при некоторой пылкости воображения мог бы строить пирамиды. Загорские купцы устроили подписку, и каменное здание театра, начатое весной, к осени было кончено. Для начала сороковых годов такая быстрота построек не была заурядным явлением. Секрет заключался в том, что генерал пожелал.

Труднее было организовать первую труппу, но и тут дело уладилось чуть ли не само собой. Подвернулся кочевавший по ярмаркам средней России антрепренер Крапивин, который и согласился ехать в Сибирь. Правильно поставленные труппы тогда существовали только в столицах да по богатым помещичьим имениям. Иногда еще появлялись бродячие труппы на бойких ярмарках, как и полуцыганская труппа Крапивина. Получив приглашение в Сибирь, он вынужден был потерять полгода, прежде чем обставил себя приличными силами. Актеры еще были – военные в отставке, прогоревшие помещики, выгнанные со службы чиновники, но актрис, как свободной профессии, почти не существовало. Порядочные девушки не могли поступать на сцену уже – потому, что быть актрисой считалось зазорным, а крепостные артистки были недоступны. У Крапивина явилась отча-

янная мысль самому создать собственных актрис. С этой целью он отправился в Орловскую губернию, в имение недавно умершего помещика меломана, у которого был свой домашний театр и при нем театральное училище, и здесь заключил контракт с шестью девочками-подростками на особых условиях. Наследники меломана были рады выгодной афере и отпустили своих воспитанниц под надзором няньки Улитушки, которая должна была отвечать головой за целостность доверенного ей живого товара. Девочки все до одной были крепостные – дочери дворовых и крестьян. Воспитанные в училище «полубарышнями», как говорила Улитушка, они были рады отправиться в неизвестную даль. Сам Крапивин, на их счастье, был очень порядочный человек и страстный любитель сцены. Он постарался обставить свою труппу, чтобы она не походила на ярмарочные балаганы, – средства были обеспечены вперед.

Прежде чем отправиться на Урал, Крапивин на пути дал несколько пробных спектаклей, чтобы определить собственные силы и чтобы труппа вообще, выражаясь технически, спелась. Как оказалось, выбор был сделан недурно, и молодые артистки производили просто фурор, особенно в среде помещичьей публики. Сразу выдались Антонида Васильевна, как хорошая певица и драматическая актриса, а потом балерина Фимушка {у орловского меломана было обращено особенное внимание на балет). В Симбирске у Крапивина произошла неприятная история из-за этих примадонн: при-

вязались два помещика, которые сначала ухаживали за актрисами, а потом хотели их украсть. Когда последнее не удалось и они узнали, что актрисы крепостные, то поклялись, что их купят, несмотря ни на какие контракты. Крапивину ничего не оставалось, как спастись бегством от закулисных героев, и он бежал, поплатившись за свои быстрые успехи декорациями и частью театрального гардероба. Это было хорошим уроком для человека, который ехал в Сибирь, – приходилось держать ухо востро.

– Ты у меня смотри, старая! – каждое утро грозил Крапивин являвшейся к нему с докладом Улитушке. – Без соли сьем, ежели что...

– И то стараюсь, Павел Ефимыч: все глазыньки проглядела...

Некоторым утешением для Крапивина являлось то, что в Сибири не было помещиков, следовательно, не могло быть и симбирских неприятностей, а купцы не посмеют грабить его. Конечно, были здесь богатые золотопромышленники-раскольники, потом крупные заводчики, но первые жили по-старинному, а последние не показывали носа на Урал. Все-таки, во избежание недоразумений, Крапивин, по приезде в Загорье, немедленно явился к генералу и объяснил ему все начистоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.